

Непередаваемое ощущение — слушать шум дождя, лежа в удобной кровати под теплым одеялом. Его меланхолический шелест или отчаянная дробь по оцинковке подоконника одинаково убаюкивают. Веки слипаются, тело становится невесомым, беспечные мысли мягко волокут сознание в сон.

Совсем иначе, когда тяжелые капли бьют в макушку, ты стоишь посреди густых зарослей и каждый шевельнувшийся куст кажется тебе подкравшимся полицейским.

Так не должно было случиться! Никто этого не планировал, и в мыслях не было. А она умерла!

Господи, что делать?! Как поступать в таких ситуациях, когда у твоих ног лежит труп, которого не могло, не должно было быть! А он есть!

Никаких помощников в Гугле! Ни одной памятки! Да и глупо было бы соваться в интернет с подобным вопросом. Могут вычислить, если выйдут на след.

Почему она так орала? Что не так? Что вообще ей было нужно? Почему она оказалась в это время в этом месте? Ждала? Следила? Скорее всего. Но зачем?! Что бы это ей дало?

Дура! Чертова дура! Истеричная, взбалмошная, зарвавшаяся!

Галина РОМАНОВА

— Что нам делать? — Слабый голос за спиной заставил вздрогнуть. — Что нам делать?!

— Знать бы!

— Но что нам делать?! — Голос стал крепче, их могли услышать.

— Не ори.

Это была просто просьба, вызвавшая неожиданную реакцию: за спиной послышался стон и звук оседающего на землю тела. Еще не хватало! Приводить кого-то в чувство в паре метров от трупа еще больше не входило в планы.

— Яма... — наконец-то хоть что-то стрельнуло в голову. — Нам нужна яма. Нам нужно ее закопать.

— Чем? Чем копать яму? У нас ничего нет.

— Палки. Нам нужны какие-нибудь крепкие палки. Снимем дерн. А там земля мягкая. Станем рыть руками...

Сказать всегда легче, чем сделать. Палки без конца ломались, и их приходилось искать снова и снова, пока верхний слой дерна размером метр на метр не был снят.

— Не разбрасывай. Потом сверху положим как ни в чем не бывало.

Как ни в чем не бывало никогда уже не будет, подумали они одновременно. До конца жизни будут стучаться в мозг воспоминания о грязных руках с землей, забившейся под ногти. О сбитых костяшках пальцев, о судорожном дыхании и следах, размазанных по лицу.

Это никуда не исчезнет. Никогда!

— Господи... Сколько времени прошло. Уже светает, — запыхавшийся голос еле звучал.

• *К северу от любви* •

Силы у них иссякли.

— Кажется, все. — Они уложили последний пласт дерна, вместе потоптались сверху. — Надо уходить. Скоро выйдут собачники и спортсмены на пробежку.

Каждому стрельнула в голову мысль, что рано или поздно эту могилу найдут. Она слишком мелкая. Слишком заметная. Но никто ее не озвучил. У них все равно не было выбора.

Пусть будет как будет...

МАВА 1

По небу плыла огромная сахарная голова — с острыми краями, ноздреватая. Ветер крутил ее, разворачивал, отщипывал от нее куски и разбрасывал по голубому небесному полю.

Егор никогда не видел сахарных голов. В магазине он покупал рафинад или сахар-песок, предпочтение отдавал последнему. От деда много слышал о существовании кускового сахара. Было это когда-то давным-давно. Именно тогда существовали и специальные щипчики, которыми сахарная голова дробилась на мелкие куски. Дед много рассказывал об этом. Он любителем был повспоминать. Дед вспоминал, а Егор представлял. И сейчас, глядя на плотно сбитое крупное облако, он думал, что сахарная голова должна была выглядеть именно так.

— Чушь бормочешь, — сонно отозвалась Ася, приоткрывая глаза. — Скорее глыба снега. Или льда. При чем тут сахар?

— Ни при чем.

— Вот и я говорю, что ни при чем. Огромный ком снега напоминает твое облако. И никакого сахара!

Егор перевернулся со спины на живот. Поерзал, принимая удобное положение на узком полосатом полотенце. Покосился на подругу.

• *К северу от любви* •

— Ты напрочь лишена воображения, Аська. Ты очень прямолинейная и рациональная. В тебе нет ни грамма...

Он поискал подходящее необходимое слово, не нашел и заткнулся. Ася угадала невысказанное, хотела обидеться, но потом передумала. Зачем? Хороший день — теплый, солнечный. Они выбрались на реку, загорают. Уже дважды искупались. Съели по бутерброду с сыром, выпили по маленькой бутылочке воды. Если ветер не разгуляется, еще выкупаются и позагорают. К пяти вечера вернутся в город. Разъедутся по домам. Займутся своими делами. Какая ей разница, что привиделось Егору? Зачем портить день глупым выяснением?

Ни к чему все это. Неумно.

И все же она не выдержала.

— Зато ты у нас романтик и фантазер, каких поискать! — фыркнула Ася и перевернулась с живота на спину.

— Не вижу в этом ничего дурного, — огрызнулся Егор и почему-то принялся оправдываться: — Да, у меня богатое воображение. Но это ведь никому не мешает, Аська. А в школе тебе лично это было даже на руку.

— Это ты о чем? — еле шевельнула она губами, уже жалея, что продолжила разговор.

Ей хотелось просто лежать, слушать, как накаывают мелкие волны на берег, и ни о чем вообще не думать. Тем более не хотелось ни о чем вспоминать. Она этого категорически не любила. Какой прок в воспоминаниях? От них либо досада гложет, если вспоминается что-то дурное, либо начинается

щемить душу по давно ушедшим хорошим временам. И зачем тогда ворошить?

— Это я о том, что всегда писал за тебя сочинения, а ты получала за них пятерки, — упрекнул ее лучший друг.

— Молодец, — отозвалась она со вздохом и плотно сжала губы, решив больше не разговаривать.

Молчание затянулось минут на двадцать. Волны плескались. Ветер с шумом ерошил мелкие ветки странного кустарника, больше похожего на сорняк, чем на живую изгородь. Неподалеку переговаривались другие отдыхающие, а они молчали.

— Хорошо, — первой не выдержала она. — Ты и правда молодец, Егорушка. Можешь придумать красиво и интересно. И пятерки я получала за сочинения, которые писал за меня ты.

— Вот! — Он поднял правую руку с оттопыренным указательным пальцем. — Я талантлив, признай это. Талантлив во многом. Признай!

— Признаю. — Она закатила глаза и едва заметно качнула головой.

Егор очень любил хвастаться талантами. Только применения им он пока не нашел. И старался не замечать, как это ему мешает. Ему давно бы уже пора было определиться с выбором и двигаться куда-нибудь. А он топтался на месте. Не пошел учиться после школы, потому что не знал куда. Работал много, но часто менял места. Пара месяцев тут, две недели там. Иногда ему и двух дней хватало, чтобы понять — это не его.

Ася такого распыления не понимала в принципе. Но с советами не лезла. Толку-то!

• *К северу от любви* •

— И я совсем не фантазер по жизни. И преувеличение мне несвойственно. И тот мужик, которого мы с тобой вчера вечером встретили на пробежке...

— Не начинай! — Ася заворочалась. — Егор, это уже переходит все границы. Нельзя в каждом встречном видеть преступника. Убийцу!

— Я и не вижу. Просто его лицо показалось мне очень похожим.

— На кого? На дядю, который кого-то когда-то убил? И чье лицо не сходило со страниц таблоидов десять лет назад? Тебе сколько тогда было, Егор? Хочешь сказать, ты его запомнил?

— Да, — не совсем уверенно отозвался тот.

— Не неси бред!

Ася резко села, дотянулась до своего рюкзака, порывшись в нем, достала вторую бутылочку воды. Открутила крышку и начала пить мелкими глотками.

Если честно, то их детская дружба, которая, как она надеялась, перерастет с возрастом во что-то серьезное и глубокое, так ею и осталась и постепенно начала ее напрягать.

Егор то ли чего-то не догонял, то ли умело косил под дурака. Мог, как в десять лет, поднять тему своих симпатий, в число которых она не входила. Мог начать критиковать ее внешние данные, не понимая, что теперь это совсем неуместно — им не по восемь лет. Мог и вовсе начать переодевать при ней мокрые плавки. Совершенно не стесняясь и не отворачиваясь. Делать ему замечания? Смысла не было. Он округлит свои распрекрасные карие очи и спросит:

— Аська, ты дура? Мы же с тобой как сиамские близнецы!

Себя она его близнецом не считала. Как в пятнадцать лет влюбилась в него, так с тех пор и любила, и тайну эту хранила в душе. Любовь ее была крепкой-крепкой, верной-верной, но совершенно бесперспективной. Егор ее как женщину не воспринимал совершенно. Она для него была кем угодно: подругой, сестрой, единомышленницей, но только не красивой взрослой девушкой с возрастающими с каждым годом физиологическими потребностями.

Чертова ситуация! Что с ней делать? Открыться ему? Рассказать все о своих бессонных ночах, редких слезах в подушку, покусанных губах от ревности? Нет. Нельзя. Это может его оттолкнуть. И вряд ли заставит задуматься. И вообще вряд ли поможет Егору взглянуть на нее другими глазами. Она для него друг, не более.

Ей придется самой как-то с этим справляться. Просто необходимо что-то сделать со своей дурацкой любовью. Попытаться от нее как-то избавиться, забыться. Может, следовало принять наконец предложение Виталика Сушилина? И сходить с ним куда-нибудь?

Виталик был бравым парнем. Высоким, сильным, симпатичным. Он очень давно навязывал себя Асе. Она даже не смогла бы сейчас вспомнить, сколько лет он к ней пристаёт. Первый раз, кажется, это случилось еще до того, как он ушел в армию. Потом когда вернулся. Потом уже после того, как отучился в школе полиции. Вернулся в город после учебы и сразу к ней: с букетом, с тортиком,

• *К северу от любви* •

с коньяком. Мачеха зарделась, отец разволновался. Ася осталась спокойной.

Виталик ей нисколько, ну ни капельки не нравился.

Чаепитие прошло вяло. Она пошла проводить его до двери и попросила больше таких сюрпризов не делать. Он поскучнел, молча кивнул, ушел и до недавнего времени не давал о себе знать. До нее докатывались слухи, что он служит в полиции, кажется в ОМОНе. Участвует в силовых операциях. Часто и сильно рискует. Но ее это ничуть не тревожило. Сорванный мозоль на мизинце правой ноги Егора волновал ее куда больше. Туда же могла попасть инфекция! А это чревато последствиями.

Ася покосилась на Егора. Лежа на своем узком полотенце, он смотрел из-под ладони, как она пьет воду, и улыбался.

— Чего скалишься? — Ася подозрительно сощурилась.

— Капли воды стекают по твоему подбородку, шее и тонут в лифчике, — промурлыкал он.

Она опустила взгляд. Действительно, несколько капель соскользнули в ложбинку между грудей. Она даже не заметила. А Егор рассмотрел. Значит ли это, что он...

— И что?

Ася заметно разволновалась. Ей показалось, что в его взгляде присутствует какой-то новый странный интерес.

— Ничего. — Он уронил руку на полотенце и закрыл глаза. — Была бы твоя грудь меньших размеров, это выглядело бы сексуально.

— То есть ты хочешь сказать, что у меня слишком большая грудь? — вытаращилась Ася.

— По мне, так огромная, — его губы брезгливо выгнулись.

Ее аккуратный второй — огромный? С ума можно сойти с этим парнем!

— А какая грудь тебе нравится? — зачем-то спросила она, хотя была почти уверена в ответе.

— Очень-очень маленькая. — Он мечтательно улыбнулся, приоткрыл глаза, поерзал взглядом по отдыхающим. — Вон видишь юную девушку в купальнике лимонного цвета?

Ася глянула на группу девушек, слишком громко разговаривающих и вызывающе смеющихся. Девушка в купальнике лимонного цвета была очень худой. До измождения! И груди, к слову, у нее не было вовсе. Что он сумел рассмотреть в трикотажных рюшах лимонного цвета, да еще с такого расстояния?

— Она ребенок, Егор, — одернула его Ася. — Это отдает извращением, не находишь?

— Она очень стройная, изящная, как хрустальная струна, — возразил он тихо. — Вот такие девушки мне нравятся. Очень нравятся! А ты... В тебе слишком много плоти. Слишком! Грудь, бедра, зад... Бэ-э, Аська, не пора бы сбросить килограммов десять?

При росте метр семьдесят два она весила всего лишь пятьдесят пять килограммов! У нее не было лишнего веса! Ей нечего сбрасывать! Она идеально сложена. Идеально! И если этому чудаку нравятся совсем юные анорексички, то пусть катится!

Ася резко встала. Схватила с земли полотенце, страхнула его. На гладкий мускулистый жи-

• *К северу от любви* •

вот Егора упало несколько травинок. Он недовольно поморщился, смахнул их ладонью, но не сказал ни слова. Ее полотенце комком полетело в рюкзак. Ася надела шорты, футболку. Перетянула заново хвост. Шагнула от места, где распластал свое совершенное тело Егор.

— Хорошо, — неожиданно произнес он. — Пусть не сахарная голова. Согласен, не очень похоже. Но точно не снег. Скорее это комок сахарной ваты, которую мы любим с тобой рвать зубами на прогулках. И я бы угостил эту славную малышку, глянь она в мою сторону благосклонно. Да, точно, сахарная вата...

— Будь здоров, — буркнула она, все еще надеясь, что он ее задержит.

— Пока, пока, — произнес он сонно. — Не пропадай, дружище. Звони.

Ася мысленно послала его к черту и пошла к выходу с пляжа.

ГЛАВА 2

Этот новый знакомый ее волновал, да. Он удивительный, совершенно непохожий на остальных. В нем не было заурядности. Он непредсказуем. Каждый следующий час с ним отличался от предыдущего. Общаться с ним — как смотреть увлекательный сериал с неизвестным финалом. И это ей очень, очень нравилось. А еще то, что ее новый знакомый до недавнего времени не знал, чья она дочь. Поэтому подозревать его в корыстных планах при знакомстве было глупо.